

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОЛО ЗЕМЛИ

ПОЧЕМУ, не знаю, но едва я начал эти заметки, меня не оставляет мысль: «Довольно междоусобица!» Поэзия одна. Есть подлинность таланта и неподлинность всего остального.

Я познакомился с Владимиром Алексеевичем Солоухиным, когда на заре туманной юности читал свою первую поэму «Мастера» в доме у статной красавицы с прямым пробором и туго уложенными на затылке косами, дочери сослуживца моего отца.

Среди гостей на диване сидел могучий, погруженный в себя человек с откинутой назад почти по плечи пшеничной колной, округлым ситным лицом, излучающим обаятельный и цепкий свет. Воротник рубашки был отложен поверх пиджака. Маститый поэт, автор «Владимирских провалков», он был по-боярски непроницаем, только светлые реснички мелко подрагивали в такт чтению.

«Приносите в газету. Опубликуем», — обронил он, налегая по-владимирски на «о». Он был членом редколлегии «Литературной газеты» и оказался человеком слова и самостоятельного мышления.

С тех пор мы не часто встречаемся. Его приятели косо поглядывают в мою сторону, мои друзья лишь пожимают плечами при его имени. Сколько талантов задушила, заклонила эта узость взглядов! Она делает композитора глухим к звонкой ноте гаварца, превращает Моцартов в Сальери, застит глаза.

И как все оказывается просто, когда зимняя переделкинская дверь открывается и неожиданно к вам входит человек в белых неподшитых валенках. Окруженный клубами пара, обрамленный косяком двери, он кажется картиной петровских времен. Он держит в руках темно-лазурный, тисненый золотом первый том своего собрания сочинений. «Обменяемся?» — окает он.

Владимир Солоухин — явление нашей сегодняшней некогда патриархальной крестьянской страны, заговорившее о себе с будничной поэтичностью. Это поселение с уже послевоенным историческим опытом.

Крестьянин Сытин, став народным просветителем, издавал книги, нес знания в народ. Крестьянин Солоухин сам пишет о Русском музее, о дальних странах, сам эти знания составляет. Так роцца или лесная излучина, найдя нашу грамоту, заговорила бы о себе березовым веселым языком. Солоухин — пишущий Сытин.

Это росистый русский язык, это подробное бережное чувство природы, это сизый дымящийся луг поутру, это гениальная кузница Покрова на Нерли, белокаменный кремль над рекой, это соло на рожке над бензиновым шоссе, это горестная хвоя над лужайкой, где погиб Гагарин, — это та с рождения одухотворившая нас красота, которая зовет нас не только любоваться, но и сохранять, жить ради нее.

Он кликает по имени все грибы и ягоды, для него нет цветов вообще — есть боярышник, ряска, кукушкины слезы, он знает даты рождения шедевров, любит землю, по-мужски помогая ей. «Русская литература всегда была социальна», — пишет он в предисловии к четырехтомнику, вставляя в текст таблицы производства молока и мяса. Разговорами сыт не будешь. Порой он обстоятельно гневен.

Его называли в честь великого города по имени Владимир, который столько страдал от удельных распри. Собиратель по натуре, он одержим одной страстью — познать и сохранять святыни вековой культуры. Древние владимирские стены драгоценны, они поистине сложены из дымящего камня.

Крестьянское сердце чутко не только к старине, но и к новинкам. Иван Дмитриевич Сытин построил себе дом на Тверской в стиле «модерн» по проекту А. Э. Эрихсона. Ныне это дом № 18 по ул. Горького, в 1979 году его передвинули. Этот новаторский для тех лет стиль иначе зовется «арт-нуво» или «глиберти» — свободный стиль. Недавно он вновь вошел в моду. В поэзии ему соответствует свободный стих — верлибр. Искусник Михаил Кузмин явил шедевры этого стиля. Около половины стихов Солоухина написано в свободной манере. Поэт соединил в них летописную протяженность повествовательности с изобразительностью Жака Превера (см. «Чаепитие рядом с птицей, сидящей в клетке»).

В 60-х годах его верлибры казались нелепыми, как дымовские верблюды, запряженные в сани.

Когда-то, приехав на морское побережье к уютному коренастому, попыхвающему трубкой Преверу, я рассказал ему о работах владимирского умельца. Того это заинтересовало. В

нашем сегодняшнем свободном стихе есть удача В. Бурича, И. Драча, П. Э. Руммо, есть и спекуляции не умеющих рифмовать, но не надо забывать, как пробивал его Солоухин.

От меня убегают звери
Вот какое ношу я горе.
Каждый зверь, лишь меня завидит,
В ужасе,
Не разбирая дороги,
Бросается в сторону и убегает прочь.

Я иду без ружья, а они не верят.

Городская муза в те же годы прозаизировала стих устами Бориса Слуцкого. Это был процесс поэзии. За этим чувствовались опыты Хлебникова и волевая мускулатура Н. Тихонова.

Разглядывать каждого, а не поле.
Выращивать каждого, а не луг.

В стихах этих к нам пришел философичный земледелец, предсказанный Заболоцким.

Тогда, привязанные к хатам,
Они глядят на этот мир,
Обсуждают, что такое атом,
Канов над воздухом эфир...
Иной первоначальный астроном
Слагает из бересты телескоп...

Может быть, не случайно, как и все в поэзии, печатание четырехтомника Солоухина в «Художественной литературе» совпало с выходом там же собрания сочинений Николая Заболоцкого в чудотворных искрящихся переплетках. Великая лира Заболоцкого определила многое в поэзии века. Я не много знаю в жизни радостей, равных выходу этого агатового триптиха! Для меня, как и для многих читателей, это личный праздник.

И вот мы видим, как ставший плотью мыслящий крестьянин Заболоцкий слагает венки сонетов, пишет мрачные суровые стихи «Ястреб», «Волки», «Лозунги Жанны Д'Арк», «Неглинка».

Солоухин много сделал в прозе, в особом жанре лирической повести, проложив тропу не только в деревенской теме, — О. Берггольц признавалась ему, что на «Дневные звезды» ее натолкнула его проза.

Есть в нем нечто от характера лесника, он даже в толпе всегда обособлен, всегда — соло. Характер его — самостоятельный, упрямый, лишенный конъюнктуры, на который можно положиться.

Как-то, в давние времена, судьба развилась надо мной очередным ударом. Все казалось безысходным. Приятели испарились. Именно Солоухин подошел ко мне тогда сквозь слышную безучастную толпу и положил ладью на плечо: «Пойдем ко мне. Чайку польем. Зальем беду». Он почти силой увлек меня, не дал остаться одному, всю ночь занимал своим собранием живописи, пытался заговорить, отвлечь беду словом. Этих часов мне не забыть.

Мужская верность, основательность слышны в ритме стиха:

Мужчины, мужчины, мужчины,
Вы помните званье свое?

Гулким эхом отдается в этих строках великое заклятье Андрея Белого:

Россия, Россия, Россия, —
Безумствуй, сжигай меня!

Думается, это мужество характера, преодоление судьбы нужно нам сейчас, когда человеческое существование ежесекундно находится под угрозой, когда в спасении, а не во вздыхах по ним нуждается все — личность, шедевры культуры, сама жизнь на земле.

Помню и другую встречу. Он подошел ко мне, неторопливый и, как всегда на людях, обособленно одинокий. Был он землистого цвета. Спокойно и как-то смущенно сказал: «Давай пообедаем. Через час ложусь на операцию. Опухоль какая-то злобная». И отвел глаза. Как нуждался в бережности этот уверенный человек, столько сделавший для спасения ценностей иных! К счастью, все обошлось тогда. Но такой ценой написана одна из его повестей.

Время, когда мы познакомилась, было переломным для поэзии.

Страна ожидала взлета в космос. Поэт Солоухин писал тогда стихи о «землянах» — новой, образовавшейся общности людей. Поэзия начинала только расширять горизонты. Тираж в тысячу экземпляров был типичным для сборника стихов. Поэты еще не набирали концертных залов. Но воздух уже требовал поэзии. Осенью 1960-го Театр эстрады, находившийся тогда на площади Маяковского, впервые рискнул провести четыре афишных индивидуальных вечера поэтов под рубрикой «Поэты современности». Среди этих четырех был Солоухин.

Он любит читать стихи, читает их рассудительно, без аффектации, доверяя людям. Как обычно, стихи, лучшие при чтении вслух, оказываются лучшими при чтении глазами. Устойчивый интерес, длящийся более четверти века, не объяснишь модой.

Недавно ко мне взволнованно подошел один работающий в издательстве поэт и заговорил о необходимости пропаганды поэзии. Заказы книготорга вновь упали до тысячи экземпляров. Прилавки завалены. Книжный бум, и в поэзии, и в прозе, когда покупали любую книгу, кончился.

В чем причина? В том ли, что издатели инертны к новому, свежему? А может, одна из причин — высокомерие к читателю, центропупизм, забвение того, что успех одного — это успех всех?

И не надо опасаться чтения стихов людям. Оно подразумевает откровенность, без которой нет поэзии.

Есть прекрасные голоса. Больно, если их не услышат.

Пора прекратить ревнивые распри и подумать о сути. Подумать и о конкретике — может быть, устроить ярмарку, или лунный карнавал поэзии, или читательские выборы любимого молодого поэта? Мне мечтается о том времени, когда Евтушенко и Цыбин поймут друг друга, когда поэты, распри позабыв, в единую семью соединятся. Главное помнить, что поэзия — одна, и жить ради нее, жить болями и надеждами народа, откровением, как Блок, Маяковский, Пастернак, Есенин,

Так впервые я создал
Настоящий,
Практичный букет,

— читаем в солоухинских стихах.

Ромашка, татарник, былинник и овсюг не дерутся в его букете, а дополняют друг друга.

Поэт много передумал, поборол в себе за долгую жизнь. Солоухин сегодняшней просветлен новым душевным опытом. Правда, бывает, что и его сплетят предвзятые шоры. Случается, например, что, не будучи сведущ в опере и балете, он вдруг примет советы подавать.

Есть в нем и крестьянская хитреца. Его «камушки на ладони» не раз летали и в мой огород. Иногда это камешки в пшенице, засоряющие кашу. Но не будем ему сейчас числить этого. Он и сам потом казнится своими нелепыми заносами. Вот как он описывает бессмысленную драку своего детства по подначке старших: «Я помню, каким противным становился мир... как хотелось избежать этой нелепости... Глаза мои застилает красной туман, и я не вижу ничего... Всегда в такой драке меня застигало туманом, я действовал механически...» Это, конечно, сказано не только о мальчишеских потасовках.

Художник Владимир Солоухин осознает мир как гармонию разных цветов, знает братство литератур, переводит аварца Гамзатова и якута Кулаковского. Он любит Абашидзе и Киплинга, много делает для сближения культур. Да будет настоящий, правдивый букет — еще раз повторим в заключение программные его строки. Есть в сегодняшней литературе своеобразная фигура Владимира Солоухина. Ему исполняется шесть десятков. Круглая дата идет к нему. Ведь цифра 60 оканчивается очертаниями его возлюбленного «о».